

Но Россія не измѣнитъ святому своему призванію, и если на предѣлы ея нападуть враги, то мы готовы встрѣтить ихъ съ твердостью, завѣщанною намъ предками. Мы и нынѣ не тотъ ли самый народъ русскій, о доблестяхъ коего свидѣлствуютъ достопамятныя событія 1812 года! Да поможетъ намъ Всевышній доказать сіе на дѣлѣ! Въ этомъ упованіи, подвизаясь за угнетенныхъ братьевъ, исповѣдующихъ вѣру Христову, единымъ сердцемъ всея Россіи воззовемъ:

«Господь нашъ! Избавитель нашъ! Кого убоимся! Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!»

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ 9-й день февраля мѣсяца, въ дѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ пятьдесятъ четвертое, царствованія же Нашего въ двадцать девятое (1).

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано.

НИКОЛАЙ

Изложеніе политики Россіи въ восточномъ вопросѣ (2).

Въ то время, какъ восточный вопросъ запутывается болѣе нежели когда нибудь вступленіемъ флотовъ Франціи и Англіи въ Черное море и прекращеніемъ дипломатическихъ нашихъ сношеній съ обоими сими правительствами, весьма понятно, что каждая изъ главныхъ сторонъ, участвующихъ въ семъ дѣлѣ, старается снять съ себя отвѣтственность, сопряженную съ возможными послѣдствіями этого тяжелаго вопроса. Совѣсть кабинетовъ тревожится и отступаетъ при мысли о всеобщей войнѣ, которая можетъ уничтожить благоденствіе продолжительнаго мира и вновь подвергнуть опасности гражданскія общества, едва оправившіяся отъ послѣднихъ волненій. Много усилій употреблено было и употребляется еще до нынѣ для того, чтобы

(1) Сѣверная Пчела 1854 г. № 34. Тоже „С.-Петербург. Вѣдомости“, 1854 г. № 34.

(2) Сообщенное посланникамъ и дипломатическимъ агентамъ Его Величества Государя Императора въ чужихъ краяхъ, 18-го февраля.

приписать Россіи вину нынѣшняго перелома, и обременить ее укоризнами за могущія произойти оттого бѣдствія. Обозрѣвъ въ минувшемъ времени всѣ поводы къ этому перелому и постепенное его измѣненіе, увидимъ, что, если онъ принялъ такой грозный объемъ, въ томъ виновата отнюдь не Россія.

Мы нисколько не думаемъ сомнѣваться въ миролюбивыхъ чувствахъ державъ, вступившихъ противъ насъ въ положеніе, близкое къ непріязни. Онѣ, конечно желали мира точно такъ же, какъ и мы. Но предубѣжденіе, недовѣрчивость, недобросовѣстная оцѣнка нашихъ политическихъ намѣреній въ отношеніи къ Портѣ Оттоманской, руководствовавшія ихъ политикою съ самаго начала, невольно увлекли ихъ къ послѣдствіямъ, которыхъ они сами чуждались. Положеніе ихъ и наше сдѣлалось несообразнымъ съ самаго начала отъ того, во-первыхъ, съ какой точки онѣ смотрѣли на предметъ вопроса, и, во-вторыхъ, какія приняли мѣры для рѣшенія его.

Изложимъ, въ нѣсколькихъ словахъ, первоначальную причину нашего раздора съ Портою.

Издавна уже всѣ дѣйствія турецкаго правительства, въ отношеніи къ намъ и къ православной Церкви въ Турціи, носили печать явнаго недоброжелательства. Извѣстны сочувствія и духовныя сношенія, существующія съ незапамятныхъ временъ между Россією и большинствомъ христіанскихъ подданныхъ Порты, порожденныя единовѣріемъ и единоплеменностью. Отъ этого получили мы въ Турціи нравственное вліяніе, котораго, конечно, не искали. Это фактъ, не созданный нами: онъ возникъ отъ времени и мѣстности. Не завися отъ трактатовъ, онъ произведенъ силою событій. Отъ этого происходитъ недовѣрчивость, возбуждаемая имъ въ турецкомъ правительствѣ. Отъ этого происходитъ желаніе сего правительства ослабить восточную церковь: бояться узъ, соединяющихъ ее съ Россією, усиливаются держать ее въ униженіи сравнительно съ прочими христіанскими исповѣданіями, стараются благопріятствовать распространенію этихъ исповѣданій, въ ущербъ православію. Слишкомъ долго было бы исчислять

зѣсь порознь всѣ доказательства существованія этой системы, всѣ явные и скрытые удары, нанесенные турецкимъ правительствомъ, въ послѣдніе годы, нашему исповѣданію. Турки вмѣшивались во внутреннія его дѣла и нарушали всѣ уставы, подѣ предложомъ преобразованія духовнаго управленія, непрерывно допускали незаконности въ выборѣ патріарховъ, разсѣвали сѣмена раздора въ духовныхъ сношеніяхъ племенъ греческихъ съ славянскими, препятствовали всячески развитію церквей въ Булгаріи и Босніи, образованію туземнаго духовенства, религіозному обученію народа; запрещали для этого употреблять, при богослуженіи, языкъ народный; забирали и истребляли священныя книги, привозимыя греко-славянами изъ Россіи для собственнаго своего употребленія, которыхъ нельзя было получать изъ другихъ странъ; въ одномъ мѣстѣ запрещали выстроить каменную церковь для замѣщенія обветшалой деревянной, въ другомъ предоставляли единственную въ селеніи церковь латинамъ, преимущественно предѣ греками. Словомъ, тысячи случаевъ, незначительныхъ въ частности, показывали, въ общности своей, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, твердое намѣреніе турецкаго правительства способствовать распространенію другихъ исповѣданій, для уменьшенія, ослабленіемъ нашего, числа тѣхъ, которыхъ считаютъ приверженцами Россіи. Не говоримъ здѣсь о другихъ дѣлахъ, вопіющихъ гораздо громче этого скрытнаго преслѣдованія: объ убійствахъ въ Алепѣ, о жестоко-стяхъ, объ оскверненіи святыни, о насильственномъ обращеніи въ исламизмъ въ Албаніи, въ Булгаріи, въ Босніи, въ Іерусалимѣ, въ Черногоріи. Эти случаи гораздо извѣстнѣе прочихъ.

Въ слѣдствіе всѣхъ этихъ притѣсненій, о которыхъ мы безпрестанно представляли Портѣ, довершенныхъ обидою, оказанною грекамъ въ дѣлѣ о Святыхъ Мѣстахъ, и наконецъ въ слѣдствіе явнаго нарушенія фирмана, который имѣлъ цѣлію возстановленіе равенства между православіемъ и церковью латинскою, и самыхъ оскорбительныхъ дѣйствій для Императорскаго Кабинета и Государя импе-

ратора въ особенности, посланъ былъ, какъ извѣстно, въ Константинополь князь *Менишкѳъ*.

Понятно, послѣ этого, что простое рѣшеніе дѣла в Святыхъ Мѣстахъ посредствомъ новаго фирмана, столь же непрочнаго, какъ и предъидущій, не могло быть удовлетворительно для нашихъ требованій, что намъ слѣдовало получить, на будущее время, обезпеченіе дѣйствительнѣйшее, которое могло бы служить, сверхъ того, удовлетвореніемъ за упущеніе личнаго вниманія со стороны султана, на которое Императоръ имѣлъ право жаловаться.

Утверждали, что, по окончаніи соглашенія, мы вдругъ, уже послѣ рѣшенія главнаго вопроса, предъявили требованіе этого обезпеченія, требованіе совершенно новое. Изъ первыхъ, ноть, поданныхъ княземъ *Менишковымъ*, явствуетъ, безъ всякаго сомнѣнія, что оба требованія сдѣланы были въ самомъ началѣ, вдругъ и въ одно время.

Когда время разсѣтъ туманъ подозрѣній и предразсудковъ, нерѣдко искажающихъ всѣ намѣренія Россіи во всемъ, что касается до Турціи, увидятъ, что въ содержаніи сего обезпеченія не было ничего новаго, ничего не употребительнаго, ничего такого, что могло бы встревожить безопасность султана. Требованіе сіе основывалось на трактатахъ, которыми турецкое правительство уже обѣщалось намъ покровительствовать, въ его владѣніяхъ, религію и ея церкви. Обязываться въ покровительствѣ религіи и церквамъ, и въ то же время оставлять за собою право искажать по прихоти права и льготы, служація основаніемъ ихъ существованію—совмѣстное-ли это дѣло? И какую пользу могло бы принести на дѣлѣ условіе, принимаемое въ такомъ смыслѣ? Настаивая на сохраненіи правъ, обезпеченныхъ за греческою церковью вѣковымъ обладаніемъ, мы требовали только исполненія того, что сказано въ Кайнарджійскомъ трактатѣ и въ тѣхъ трактатахъ, которыми онъ подтвержденъ, слѣдственно не требовали ничего противнаго независимости султана, если самыя эти трактаты ей не были противны. Мы не требовали для грековъ никакихъ новыхъ выгодъ, кромѣ прочнѣйшаго обезпеченія правъ, имъ уже принадлежащихъ, а за

собою удерживали всегдашнее свое право прилагать о ихъ пользахъ дѣятельное попеченіе. Признавая, что греки всегда пользовались и будутъ впредь пользоваться религіозными своими правами подъ защитою султана, ихъ государя, мы ясно выразили значеніе требуемаго нами права. Въ этомъ не было ничего чрезмѣрнаго. Вотъ все удовлетвореніе, котораго мы требовали за оказанное къ намъ неуваженіе!

Вмѣсто того, чтобы смотрѣть на это обезпеченіе съ истинной его точки зрѣнія, увеличили безъ мѣры его объемъ и послѣдствія. Безъ всякаго повода искали въ немъ замысловъ политическаго преобладанія, существовавшаго только въ воображеніи; развѣ что назовутъ политическимъ то вліяніе, которымъ мы всегда пользовались въ Турціи для выгодъ нашихъ единовѣрцевъ.

Не принимая въ уваженіе предшествовавшихъ событій, положенія, въ которомъ находится Государь Императоръ, Его обязанности къ народу Его и вѣроисповѣданію, забывъ о совершенно особенномъ свойствѣ правительства мусульманскаго, которое, въ законахъ и въ обычаяхъ исламисма, находитъ не только затрудненія, но и невозможность наблюдать во всей строгости предписанія народнаго права, признаннаго народами христіанскими, составили о верховной власти султана какое-то безусловное, непреложное ученіе, и объявили, что всякое обязательство, въ которое войдетъ султанъ съ чужимъ правительствомъ касательно религіи и церкви, будетъ противно этой чистой выдумкѣ.

Этимъ подрывались основанія Кайнарджійскаго трактата, заключающаго въ себѣ именно такое обязательство. Этимъ хотѣли насъ принудить изорвать собственными нашими руками всѣ прежнія условія, разрушить весь порядокъ вещей, освященный временемъ и пріобрѣтенный цѣною русской крови. Мы тогда уже предвидѣли, что если вздумаютъ непременно излагать вопросъ въ этомъ видѣ, миролюбивое рѣшеніе его сдѣлается невозможнымъ.

Скажемъ не обинуясь: если дипломаты въ Константинополѣ хотѣли, въ самомъ началѣ, прекратить всякое дѣйствительное замѣшательство, имъ не слѣдовало слушать